

СЫН АПТЕКАРЯ

№33 1998

К половине одиннадцати на столе, по заведенной привычке, всегда дымился кофе, сверкал сыр и замирало яйцо, снесенное моей матерью из огромной любви к отцу.

Отец, подточив в наклоне плотную фигуру и раскинув фалды ласточкой позади спинки стула, важно усаживался, кричал и звякал ложечкой по той части яйца, которую он насмешливо называл "Антарктидой". Яйцо податливо раскалывалось и отец громко и преувеличенно поучительно говорил мне - вот, дружище, я бы тоже мог бы съесть тебя на завтрак. Потом он делал паузу, внимательно смотрел на меня лимонными глазами и уже шепотом, язвительно: Но, голубчик, пощадил тебя!..

После этого всегда неожиданного и обстоятельного ритуала он больно наступал мне на ногу под скатертью, так, чтобы не заметили остальные.

Позавтракавши, добрый отец складывал салфетку вчетверо - педантично - всегда уголок к уголку, клал ее по правую от тарелки руку, растворял в стакане заведенный аспирин и, одним махом выпив его, отправлялся на службу - в аптеку. Я же шел в школу для старых мальчишек и мечтал стать таким же как отец и перенять из его рук меч и секиру.

У отца было забавное лицо. Такие лица обычно называют "птичий нос". Еще в детстве я представлял себе, что птичьим носом следует пользоваться как пером. Например, сцена в банке:

- Яусов, распишитесь, пожалуйста.
- Где именно?
- Вот здесь. И число.
- А чернила?

Служащая пододвигала чернила, и отец, обмакивая нос в пузырек, лихо расписывался.

- Спасибо - говорила служительница, - следующий.

А потом мне представлялось, как мы выходим из банка - и чернила здорово текут ему в рот!

В свободные от работы дни отец что-то мастерил. Однажды он смастерил настоящую водяную бомбу, которая сработала по часам, из-под воды разбомбив старую никому не нужную пристань.

Я был слабый человек, не принимавший решений. Я никогда не заговаривал первый. Жизнь с ее запутанным синтаксисом не давалась мне, зато она сама вела меня, и я послушно следовал ее несложным велениям.

Когда мысли мои уже окончательно составились, и я бродил по дому в предсмертном унынии и при глупых желаниях, отец мой поймал меня за морщину и сказал - идема ко мне в аптеку.

Крупное чувство радости было от этого. Мы пошли в аптеку. По дороге все учтиво здоровались. Аптека была совсем недалеко - единственная в деревне, и у отца там работала глухая девушка - Нина. Когда мы пришли, она как раз составляла глазные капли.

У входа в кабинет висела афиша аттракциона "Дикие серпантин". Так я впервые попал в кабинет своего отца. Каково же было мое удивление, когда из-за пыльного солнечного луча я увидел по стенам множество отрубленных и высушенных голов с медными гравированными табличками. Аккуратно обработанные головы, тщательно присыпанные мелом у оснований, стояли на основных дощечках. Каждую накрывал плотный стеклянный колпак, похожий на колпаки, которыми накрывают настольные ходики. Хорошо разглядев таблички, я убедился, что многие из носителей этих имен или, скажем, из владельцев этих голов были мне хорошо знакомы. Стояли головы в строгом алфавитном порядке, как книги в библиотеке. Начинаясь все с головы мясника Алова и заканчивалось на Робидрихе. В нашей же фамилии первой буквой была, как известно, буква "Я", что глубоко меня успокоило и временно отвело подозрения. В основном это были приятели отца по мотоциклетному клубу. Несмотря на порядок и видимую научность и разумность выставки, она привела меня в недоумение, но, все же, собравшись с духом, я спросил:

- Папа?
- Да, да, - сказал отец, коротко отвлекшись от своих мыслей.
- А как же я?

И ты и мама, - сказал он и погладил меня по голове, так, что у меня в горле от нежности защепаило.

- Всегда? - спросил я, думая, что нам не надо в разговоре промешуктов и что общая мысль довольствуется лишь нежностью обоюдных звуков.

- Ах, глупыш, - сказал отец и раздвинул створки белого металлического шкафа.

В шкафу между двумя идеально отглаженными медицинскими халатами висела моя мать, просто туда помещенная и на удивление маленькая по сравнению с халатами. Хорошо загримированная, она выглядела как живая, если бы не эта непривычная поза.

- Во здорово! - сказал я в приступе восторга, еще не понимая смысл увиденного, - совсем как живая. Я стоял в стороне, мялся, не зная как продолжать.

- А ты подойди ближе, не бойся, не укусит, - сказал отец, семейно хлопнув меня по плечу.

И я подошел ближе, надел очки и присмотрелся.

- Кто грим-то накладывал?
- Нина.
- Ну, она и мастерица, - сказал я, искренне восхищаясь тонкой работой.
- Дерьма не держим, - сказал отец и

вдруг резко схватил меня за челку, сбил очки и откинул назад так, что я упал на лопатки. - Тебе что, мать не жалко? - заорал он. - Не сын ли ты ее? Ни грамма совести! Не она ли тебя, гаденыша, из дерьма подняла: ночей не спала, варила, одевала, заботилась о тебе?

Орал он истерически, не стесняясь находящейся неподалеку глухой девушки и аптечных больных посетителей, то замирая, то захлебываясь. Изо рта его на ковер падала густая слюна и, шипя, исчезала в неразборчивом черно-красном рисунке.

От обиды я заплакал. Отец затих, подал мне очки и беспокойно забродил взад и вперед. Когда я перестал всхлипать, он взял меня за локоть:

- То-то, совесть иметь надо! - сказал он и осторожно помог мне подняться с пола.

Мы вышли в коридор и папа запер дверь на ключ. Прошли мимо Нины, что-то тщательно записывающей в счета.

Я боялся задавать ему вопросы - не знал как он отреагирует. Но и молчать было страшно. Иногда мне думалось, что мы живем одним духом, и вдруг меня косило под коленями мокрым и холодным ужасом.

Хотя мы жили под одной крышей, об отце я знал мало. Знал, что он педант. Знал, что... он увлеклся гонками и мотоциклами, был энергичен, улыбался всегда вполупу, ерничал и регулярно чистил зубы специальной солью из аптеки. Никогда не рассказывая о себе, уходил каждый день в аптеку, приходил вовремя и по воскресеньям совершенствовал свой Харлей. Я не знал, в чем состоит его

ловко забрался в нее, подал мне руку и оттолкнулся. Я сел на корме. Отец, легко, точно и почти бесшумно вращая веслами, погреб, и мы поплыли вверх по почти неподвижной реке.

Там он засушил весла у водяной мельницы и пустил лодку всвободную.

Нас завертело слегка и понесло, как масло на жаровне. Казалось, река была покрыта плотным слоем бульона, да и в сумеречном небе плавали шарики жира.

- Любишь утопленников? - бодро и без тени улыбки спросил отец.

- Женщин люблю - сказал я, еще не понимая к чему он клонит.

- Хочешь на Офелию посмотреть?

Не дожидаясь моего ответа, отец перегнулся через борт, раздвинул водоросли под ивой и улыбнулся воде.

- Иди, смотри.

Я перегнулся через лодку. Из зеленой воды на меня смотрело неподвижное лицо. Я залюбовался, поправил очки.

Отец снова покрыл лицо водорослями.

- Красавица была, даром что сумасшедшая.

Закурил трубку. Мне тоже захотелось курить, но отец не позволял мне этого.

Лодку понесло дальше. Колени мои дрожали, ведь утопленницей была Любочка - дочка лесничего. Ужасные мысли об отце не выходили из головы, а он сидел вот тут, совсем близко, и дышал, и наслаждался вечерней свежестью, и как ни в чем не бывало чистил трубку мохнатой спиралью, потом снова набивал ее табачком, приглаживал табак большим пальцем, вкуривался, смотрел на вялые водяные лилии, сорванные еще днем в болотах и брошенные по реке. Мне хотелось все его спросить и про мать, и про головы в кабинете, и про Любочку, но я боялся. По обе стороны "птичьего носа" отец смотрел на меня своими серыми немигающими глазами, ожидая вопроса.

- Папа, а ты кем на самом деле работаешь? - спросил я.

- Аптекарем, - сказал отец и залиvisto захотел, да так громко, что в соседнем поселке собаки залаяли.

Становилось темно, лодка шла бесшумно. Я не верил ни единому слову.

От страха я стал напряженно думать о другом.

Страх стоял сильный, жирный, восходил из живота в горло, крался по спине, ложился на грудь, холодил голову. В темноте глаза отца блеснули зеленым фосфором.

- Убьешь меня? - спросил я.

Отец не отвечал. На берегу завывала птица.

- Папа, слышишь меня?

Отец сидел неподвижно, пугал меня. Шевелил пальцами. Меня бросило в жар и затрясло. Я слабо привстал и нагнулся над ним. Он смотрел мне в лицо.

- Папочка, мне очень страшно, - сказал я, и слезы прорезали мне глаза. Чувство необыкновенной близости возникло в горле.

Отец нарочно молчал.

- Не молчи, папочка, - взмолился я.

А отец молчал и улыбался, как в кино. И вдруг я заметил у себя на шее петлю. Отец медленно одним пальцем затягивал ее. Я интуитивно пошарил в карманах. Нашел гаечный ключ и вдруг в один момент вытащил этот ключ и воткнул ему в глаз, нажал сильнее, еще сильнее. Изо всех сил. Отец крикнул, но не сопротивлялся, как будто так оно и должно было быть и как будто ему было приятно, что по куртке потекла теплая жижа. Я толкнул его внешне в плечо, и он безвольно повалился набок. Колени мои сами собой подогнулись. Я потрогал его тело, прислушался - ни звука. Из глаз помимо воли потекло.

- Папочка, ведь я с тобой. Скорей домой, скорей в аптеку! Ведь мы у нас - одни на свете - жалобно шептал я.

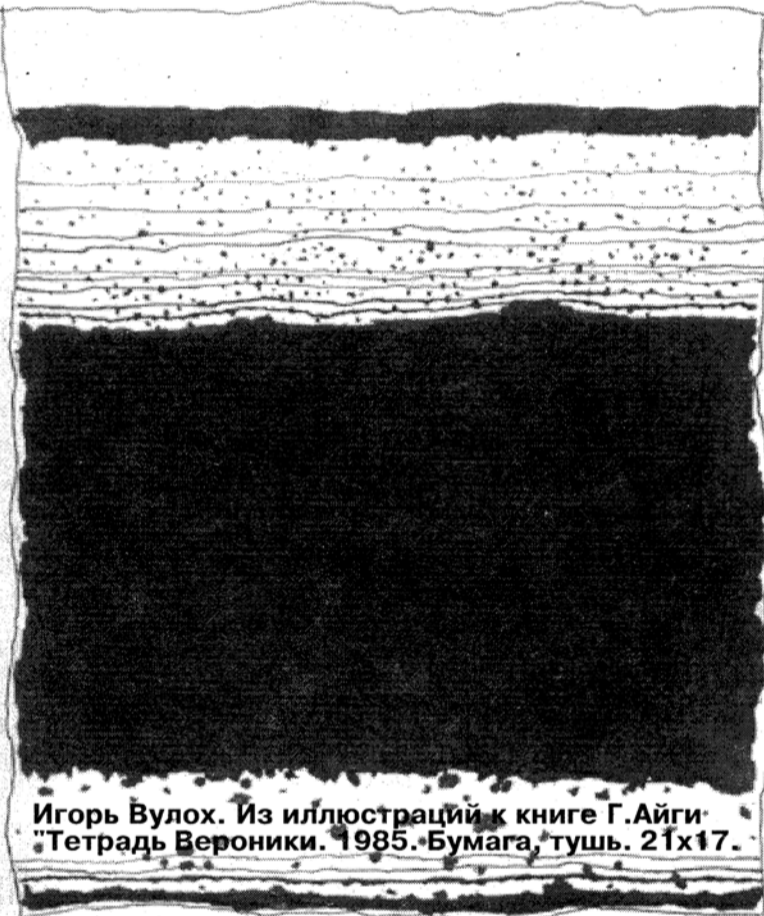
Я погреб. Сильно погреб к берегу. Отец не издавал не звука. Только его колени нечеловечески дрогнули и опустились.

Я крепко обнял его. Он не дышал. В голове моей росли слова "Я - убийца".

Надо было убрать его в воду. Мои сдержанные рыдания, помимо воли превратились в вой. Я осторожно и с трудом приподнял тело и сбросил его, слегка оцарапав пальцы о борт. Был водяной звук. Тело бесшумно ушло. Воронка закрылась. В затянувшемся месте воды проступила слабая луна. Я стоял в лодке и всматривался в воду. На корме еще горячо и вкусно дымилась трубка. Я через силу перестал выть, сел, всосал запретный табак, взял за весла и бешено и шумно погреб в село. То ли от табака, то ли от случившегося я опьянел. Только на секунду мне было хорошо и вольно и - опять исчезло. Через поле я бежал быстро, то и дело спотыкаясь, как будто кто-то тяжелый меня преследовал.

Когда я вернулся домой, уже стояла глухая ночь. Голодный изнурительный сон поглотив меня в свою пустую обитель. В бесконечном сне я видел лишь разноразличную тетрадь и в ней была фраза: "Представь, еще ни одно человеческое существо не чувствовало так сильно и не испытывало такую боль и страсть к ужасу: тогда почему же существо, породившее этот высочайший ужас ни есть творец, ни есть Божь? Когда я проснулся - было за полдень - сочный летний пересвеченный день неподвижного времени - жужжание мух, трепетание вещей, и я замер. Предметы были реальны и вечны. Запел козловой. И я вдруг понял, что мой отец никогда больше не услышит лесного шума, не глотнет свежий воздух с реки. А насекомые трещали как жаровня.

"Как адова жаровня трещат", - сказал я вслух.

Игорь Вулох. Из иллюстраций к книге Г. Айги "Тетрадь Вероники. 1985. Бумага, тушь. 21x17.

внутренняя жизнь и не задавал лишних вопросов.

- Что есть Божь? - вздохнул отец на второй день после посещения кабинета. Вздохнул и замолчал, пересек желтый и холодный солнечный луч, случайно попавший в коридор и ринулся в прихожую. Он крепко взял меня за руку, так - как еще никогда. Мы спустились с крыльца, вышли в парк. Мне не хотелось сегодня с ним говорить, но и уходить было неловко. Квасные сумерки красили оранжевыми пузырями глиняные дорожки. Серая куропатка, спорая от любопытства, перелетела на ель, задев крылом листья молодого дубка. Мы миновали полуразвалившееся гаражи, спустились к обрыву и вошли в сухой, темный орешник.

Отец горько заговорил:

- Вот ты уже старый стал, скоро, может быть умрешь, ну что, похороны я тебя и крови не пососавши - глупо получается, согласен?

- Согласен - я в ужасе мотнул головой, отгоняя от себя дикие мысли.

Отец отломал ореховую ветку, замаял ее в руках.

- А с другой стороны - сын - неэтично получается, да и кровь твоя старая-престарелая. А у сына кровь, как у меня - одного вкуса. Согласен?

- Да, но... - робко сказал я, - вместо того, чтобы моей кровью постыться...

- Постыться? - отец вопросительно посмотрел на меня, остановился, заложил руки за спину... - Я, знаешь, человек не религиозный, вот и незачем, и не надо мне вообще постыться.

- Вместо моей крови, ты сделай у себя на коже узкий надрез, чтобы на лодку похож был изнутри или на воронку - тогда соси - сказал я, делая шаг назад и сам испугавшись своих слов.

- Эка - усмехнулся отец - ну пострел! Советы родителю давать. Э, ловок, ловок, небритый мой друг! У вас у молодёжи все на скорую руку - и крови попить, и денег заработать!

В таких осторожных моих разговорах и насмешках отца мы вышли к реке.

Лодка стояла едва привязанная к низкому причалу. Отец